

ЗДЕСЬ ВОЙНА ИЗОБРАЖЕНА ВО ВСЕМ СВОЕМ БЛЕСКЕ —  
ОНА ПУСТА И СТРАШНА.

*Le Monde*



# АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

ГУСАР ✦ ТЕНЬ ОРЛА  
МЫС ТРАФАЛЬГАР ✦ ДЕНЬ ГНЕВА

# Содержание

## Гусар

От автора

1. Ночь

2. Заря

3. Утро

4. Схватка

5. Битва

6. Атака

7. Слава

## Тень орла

1. Правый фланг

2. 326-й линейный

3. Предложение маршала Мюрата

4. Цыганка майора Перекура

5. Обстоятельства маршала Бутона

6. Атака под Сбодуновом

7. Похмелье князя Долголядьева

8. Откровения на Святой Елене

9. Ночь в Кремле

10.. Переправа через Березину

Эпилог

## Мыс Трафальгар

1. Тендер «Энсертен»

2. Линейный корабль «Антилья»

3. Бак

4. Пушечное мясо

5. Синий штандарт

[6. Белый штандарт](#)  
[7. Сигнал номер пять](#)  
[8. Первая батарея](#)  
[9. Ахтердек](#)  
[10. Шканцы](#)  
[11. Флаг](#)  
[Эпилог](#)  
[От автора](#)  
[Приложение 1](#)  
[Приложение 2](#)

[День гнева](#)

[1](#)  
[2](#)  
[3](#)  
[4](#)  
[5](#)  
[6](#)  
[7](#)  
[8](#)  
[9](#)

·the big book·  
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

# Книги Артуро Переса-Реверте,

опубликованные Издательской Группой  
«Азбука-Аттикус»

## ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА АЛАТРИСТЕ

Капитан Алатристе

Чистая кровь

Испанская ярость

Золото короля

Кавалер в желтом колете

Корсары Леванта

Мост Убийц

Кожа для барабана

Фламандская доска

Краткая история Испании

Учитель фехтования

Эль-Сид, или Рыцарь без короля

Тень гильотины, или Добрые люди

Осада, или Шахматы со смертью

Клуб Дюма, или Тень Ришелье

Королева Юга

На линии огня

Гусар

Тень орла

Мыс Трафальгар

День гнева

# АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

ГУСАР



ТЕНЬ ОРЛА



МЫС ТРАФАЛЬГАР



ДЕНЬ ГНЕВА



АЗБУКА

Санкт-Петербург

Arturo Pérez-Reverte

EL HÚSAR

Copyright © 1986, 2004 by Arturo Pérez-Reverte

LA SOMBRA DEL ÁGUILA

Copyright © 1993 by Arturo Pérez-Reverte

CABO TRAFALGAR

Copyright © 2004 by Arturo Pérez-Reverte

UN DÍA DE CÓLERA

Copyright © 2007 by Arturo Pérez-Reverte

All rights reserved

Перевод с испанского

Александра Богдановского, Натальи Кирилловой,

Екатерины Матерновской

Оформление обложки и иллюстрация на обложке

Сергея Шикина

Перес-Реверте А.

Гусар ; Тень орла ; Мыс Трафальгар ; День гнева : романы / Артуро Перес-Реверте ; пер. с исп. А. Богдановского, Н. Кирилловой, Е. Матерновской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-21571-9

**16+**

Артуро Перес-Реверте — бывший военный журналист, прославленный автор блестящих исторических, военных, приключенческих романов, создатель цикла о капитане Диего Алатристе, обладатель престижнейших литературных наград. В этот сборник вошли его военно-исторические работы — подлинные (или же правдивые в самом глубоком смысле) повествования о том, что делает с людьми война. В романе «Гусар» юный подпоручик за одну атаку проживает всю свою жизнь до дна. В «Тени орла» испанский батальон в составе армии Наполеона пытается сдать русским, но что-то идет не так. «Мыс Трафальгар» — хроника крупнейшего морского сражения Наполеоновских войн между испано-французским флотом и англичанами под командованием адмирала Горацио Нельсона. Наконец, «День гнева» — роман о мадридском восстании 2 мая 1808 года, безжалостно подавленном французами и впоследствии увековеченном Франсиско Гойей. В каждом тексте здесь История дышит, сражается, истекает кровью — и остается жить в веках.

© А. С. Богдановский, перевод, 2003, 2009

© Н. С. Кириллова (наследник), перевод, 2006

© Е. А. Матерновская, перевод, 2005

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022  
Издательство АЗБУКА®



**ГУСАР**

## От автора

«Гусар» — мой первый роман. Я написал его в 1983 году, в перерыве между двумя военными репортажами; в то время я не планировал посвятить себя литературе и, можно сказать, по чистой случайности опубликовал в одном издательстве, с которым позже поссорился и почти двадцать лет не мог восстановить свои права на книгу. Ныне она снова выходит в свет — такая, какой хотел бы ее видеть автор, исправленная и очищенная от совершенно лишних прилагательных и наречий.

*Клоду, старому товарищу по войнам  
в разных концах земли и дорогам, ведущим в никуда*

Но прежде — про равнину. Нужно сразу же сказать, что я никогда не мог правильно воспринимать ее, а всегда находил ее печальной — с нескончаемыми топями, с домами, где больше не живут люди, и дорогами, ведущими в никуда. Но если добавить ко всему еще и войну, то место, где мы находимся, становится невыносимым.

*Л.-Ф. Селин. Путешествие на край ночи  
(Перевод с французского А. Юнко, Ю. Гладилина)*

# 1

## НОЧЬ

Сияние стали заворожило его. Фредерик Глюнтц не мог отвести глаз от лежавшего у него на коленях обнаженного клинка, который вспыхивал таинственным металлическим блеском всякий раз, когда вздрагивало пламя свечи. В последний раз проведя по острию точильным камнем, он убедился, что сабля стала безупречно острой.

— Замечательный клинок, — убежденно сказал Фредерик сам себе.

Мишель де Бурмон курил трубку, развалившись на походной кровати, и флегматично наблюдал за колечками дыма, уплывавшими к потолку. Услышав слова друга, он недовольно дернул пшеничный ус.

— Неподходящее оружие для благородного человека, — бросил Мишель, не меняя позы.

Фредерик Глюнтц повернулся к нему, вне себя от изумления:

— Почему же?

Де Бурмон прикрыл глаза. В голосе его звучало едва заметное раздражение, словно приходилось объяснять вполне очевидные вещи:

— Сабле чуждо настоящее искусство... Она слишком тяжела и безнадежно вульгарна.

Фредерик лукаво улыбнулся:

— Ты, конечно, предпочтешь огнестрельное оружие?

Де Бурмон замахал руками в притворном ужасе.

— Боже милостивый, конечно нет! — воскликнул он. — Убивать на расстоянии — не слишком достойное дело. Пистолет символизирует нравственный упадок нашей цивилизации. Что касается меня, то я предпочитаю рапиру; она более гибкая, более...

— Изящная?

— Да. Вот самое подходящее слово: изящная. Сабля — орудие не война, а мясника. Годится лишь на то, чтобы рубить головы.

И де Бурмон вновь занялся своей трубкой, напрочь потеряв интерес к разговору. Он слегка шепелявил — по моде, распространенной среди офицеров Четвертого гусарского полка. Времена гильотины миновали, и уцелевшие обломки старой аристократии поднимали головы без страха, что их отрубят, — в том случае, разумеется, если им хватало ума не оспаривать заслуг тех, кто преуспел благодаря новому порядку.

Ознаменовавшие начало нового столетия бурные перемены почти не коснулись Фредерика Глюнтца. Младший сын богатого страсбургского купца в пятнадцать лет покинул родной Эльзас и отправился в Париж, чтобы поступить в Военную школу. Юноша оставил ее стены три месяца назад, получив звание подпоручика и назначение в расквартированный в Испании Четвертый гусарский полк. Попасть в легкую кавалерию — предел мечтаний каждого молодого офицера — в ту пору было очень нелегко. И все же чудо произошло, не в последнюю очередь — благодаря отличным оценкам, толстой пачке рекомендательных писем и разгоравшейся за Пиренеями кровопролитной войне, из-за которой в армии то и дело открывались новые вакансии.

Фредерик отложил точильный камень и поправил упавшую на лоб прядь. Скоро его пышные светло-каштановые волосы достаточно отрастут, чтобы их можно было уложить в положенную по уставу косичку. О другом неотъемлемом признаке истинного гусара — пышных усах — пока приходилось только мечтать; на лице молодого Глюнтца рос лишь редкий белесый пушок, который юноша безжалостно сбрасывал, надеясь, что его сменит настоящая борода.

Сжав прохладный эфес, Фредерик наблюдал, как блики свечи играют на чистом лезвии.

— И все-таки сабля замечательная, — решил он.

Де Бурмон ничего не ответил. Речь шла о великолепном экземпляре холодного оружия, который часто ошибочно именуют «облегченной моделью для кавалерии 1811 года», — страшном орудии убийства длиной в тридцать семь дюймов — достаточно длинном, чтобы рубить противника, хоть конного, хоть пешего. Устав позволял гусарам выбирать оружие по вкусу. Де Бурмону, к примеру, исправно служила выкованная в 1786 году тяжелая сабля, которая досталась ему от отца. Молодой подпоручик уже успел вдоволь напоить ее кровью на узких мадридских улочках, примыкавших к Паласио-Реаль.

Фредерик не мог оторвать взгляд от лежащей на коленях сабли; она была великолепна. «Орудие мясника», сказал Мишель. Возможно, так оно и было, но юный офицер ни разу не видел настоящей рубки, и на лезвии пока не появилось ни одной зазубрины. Фредерик мог бы назвать свою саблю девственной, если бы суровое лютеранское воспитание позволило ему употребить это слово по отношению к оружию. Лезвие не познало крови, как сам юноша не познал женщины. Но глубокой ночью, под беззвездным испанским небом мысли о женщинах казались неуместными и лишними. Куда важнее были пурпур крови, сабельный звон и топот конских копыт на поле боя. Такие картины рисовал гусарам их командир полковник Летак, самодовольный и грубоватый, но отважный бретонец:

— Вообразите, господа, эти, эхем, неумытые крестьяне собирают силы; одна атака, всего одна, и мы погоним их по всей Андалусии!

Фредерику нравился Летак. Это был крепкий, весь в шрамах солдат, настоящий человек 1802 года<sup>1</sup>, сражавшийся с первым консулом в Италии и при

Аустерлице, отличившийся при Йене, Эйлау и Фридлянде... Полковник начинал простым капралом в брестском гарнизоне и прошел всю Европу вместе с непобедимой армией. Фредерик отлично помнил первую встречу с Летаком, когда он, новоиспеченный подпоручик, прибыл в распоряжение своего командира. Дело было в Аранхуэсе. Юный офицер в мундире цвета индиго и алом ментике, отчаянно робея, предстал перед командиром Четвертого гусарского полка. Летак принял его в большом старинном особняке, где полковник устроил свою резиденцию, в просторном кабинете с видом на серебристую дугу Тахо.

— Как вы сказали?.. Гхм, так вот, подпоручик Глюнтц, эхем, что ж, дружище, теперь вы один из нас, сплоченные ряды, боевое товарищество и все такое прочее, здесь ведь у нас самые сливки, традиции, ну, вы понимаете... Первокласное сукно, доломан в Париже шили? Гхм, ну вот, друг мой, приступайте к своим обязанностям... Полк — ваша новая семья, не посрамите ее чести, прошу вас как отец... Да, и никаких дуэлей, знаете, косой взгляд, кровь кипит, и все прочее, однако надо все же хладнокровнее, правда, когда нет выбора, эхем, честь, честь превыше всего, мы ведь семья, все остается между товарищами, ну, словом, вы поняли.

Полковник Летак слыл умелым всадником и добрым солдатом, а что еще нужно гусару? Он управлял своим полком твердо, умело сочетая суровую дисциплину с отеческой заботой о подчиненных и не стеснялся проявлять разумную гибкость, без которой невозможно было сладить с кавалеристами — самыми отчаянными, храбрыми и буйными вояками во всем императорском войске. Непокорный нрав гусар делал жизнь их командиров невыносимой. Держать в узде этот бешеный народ было под силу лишь опытному боевому офицеру, каким был полковник Летак. В любом деле он старался быть твердым, разумным и справедливым, и — нужно

отдать старому бойцу должное — обычно ему это удавалось. К врагам Летак был беспощаден; но за это настоящего гусара никто бы не осудил.

Остро отточенная сабля была готова к бою и жаждала крови. Полюбовавшись еще немного мерцанием лезвия, Фредерик бережно убрал ее в ножны и благоговейно погладил кончиком пальца украшавший эфес вензель N. Мишель де Бурмон, который все это время молча курил, удивленно поднял брови и усмехнулся. В этой усмешке не было и тени пренебрежения; Фредерик давно научился толковать многочисленные разновидности улыбок, которыми располагал его приятель, от смутной — и жутковатой — волчьей ухмылки, приоткрывавшей острые белоснежные зубы, до широкой, сердечной улыбки, которой Мишель неизменно встречал тех, кто ему действительно нравился. Фредерик Глюнтц был удостоен чести войти в тесный круг избранных.

— Завтра великий день, — проговорил Мишель де Бурмон, выпустив из трубки колечко дыма. — Представь: одна атака, всего одна, и мы погоним эту шваль по всей... эхем... Андалусии. — Он передразнил Летака совершенно беззлобно и так мастерски, что теперь уже Фредерик не смог сдержать улыбку. Юноша горячо закивал, не выпуская из рук саблю.

— Что ж, — ответил он безмятежно, как настоящему гусару полагается говорить о предстоящем сражении, в котором ему, возможно, придется сложить голову, — на этот раз дела и вправду принимают серьезный оборот.

— Говорят, так оно и есть.

— Будем надеяться, что не врут.

Де Бурмон сидел на походной кровати. Его соломенные волосы были тщательно причесаны и уложены в предписанную уставом косичку. Из-под полурасстегнутого доломана виднелась белоснежная сорочка. Наряд Мишеля дополняли чикчиры, тоже

цвета индиго, и черные сапоги со шпорами, сшитые из тонкой телячьей кожи. Подобная элегантность не слишком гармонировала с палаткой, разбитой посреди пыльной долины в окрестностях Кордовы.

— Ты ее хорошенько наточил? — спросил де Бурмон, указав черенком трубки на саблю Фредерика.

— Полагаю, что да.

Де Бурмон снова улыбнулся. Его ярко-синие глаза слегка щурились от дыма. Фредерик разглядывал профиль своего друга, выхваченный из тени огнями свечей. Черты и манеры Мишеля выдавали благородное происхождение. Его родитель, принадлежавший к одной из самых знатных семей старой Франции, предпочел стать гражданином Бурмоном, пока санкюлоты не вперили в него отнюдь не дружелюбные взоры. Поспешное обращение в республиканскую веру не помогло хитрому аристократу сохранить в неприкосновенности богатства и земли, но, по крайней мере, позволило ему избежать участи обезглавленных собратьев и спокойно пережить разразившуюся над Францией бурю, миновать трудное время и в добром здравии увидеть возвышение корсиканского выскочки. Само собой, старый аристократ именовал императора этим титулом лишь при наглухо закрытых дверях, наедине с мадам де Бурмон.

Мишель де Бурмон-младший был из тех, кто до 1789 года мог без особого риска причислить себя к «юношам из хороших семей». С ранних лет угодив в гусары, он не стал подражать равным и заискивать перед высшими и не только не перенял царившей в армии чудовищной вульгарности, но и сумел привить всему полку особый благородный тон, став примером для других. Мишель был молод — в Испании он встретил свой двадцатый день рождения, — великодушен и храбр. Молодой человек и оглянуться не успел, как к его фамилии вернулась утраченная в годы революции, еще совсем

недавно такая опасная приставка «де». Все знали, что через пару недель он станет поручиком.

Для Фредерика, молоденького подпоручика, как и положено в девятнадцать лет бредившего подвигами и славой, полковник Летак был примером для подражания — тем, кем он стремился стать, а Мишель де Бурмон — тем, кем он хотел бы родиться, воплощением недостижимого идеала. Ведь и сам Летак, за двадцать лет безупречной службы сумевший добиться всего, на что может рассчитывать отличный солдат, и со дня на день ожидавший генеральского звания, не обладал утонченностью аристократа, присущей тем, кто, по выражению самого полковника, «в нежном возрасте писался на старинные персидские ковры». Де Бурмон владел таким стилем в совершенстве и не придавал ему особого значения: гусарским офицерам, самым большим забиякам и бахвалам во всей французской армии, не полагалось придавать особого значения решительно ничему. Потому Фредерик Глюнтц, сын простого буржуа, искренно восхищался своим другом.

Как часто бывает в юности, дружба двух подпоручиков, назначенных в один полк, возникла сама по себе, без особых причин, из простой взаимной симпатии. В походе приятели охотно делили одну палатку; ничто не сближает людей сильнее тягот армейской жизни и честолюбивых грез юности. Друзья привыкли делиться сокровенными мыслями и говорили друг другу «ты» — небывалый среди привыкших обращаться на «вы» офицеров Четвертого гусарского знак расположения.

Дружба Фредерика Глюнтца и Мишеля де Бурмона окрепла благодаря событию поистине драматическому. Это случилось несколько недель назад, когда расквартированный в Кордове полк готовился выступить. Поздним вечером подпоручики отправились побродить по городу. Вечер выдался великолепный,

городские улочки оказались весьма живописными, а местное вино превосходным. Проходя мимо какого-то дома, оба одновременно увидели, как в окне мелькнул стройный девичий силуэт, и надолго застыли у резной решетки, надеясь, что красавица покажется снова. Встреченная по дороге компания французских офицеров, среди которых оказались и гусары Четвертого полка, приветствовала подпоручиков радостными возгласами. Веселая компания позвала друзей с собой, и они с удовольствием приняли приглашение.

Вечер продолжался в ближайшей таверне за шумным разговором и добрым вином, которое исправно подносил угрюмый трактирщик. Так незаметно миновали два часа, и тут поручик егерского полка по фамилии Фукен внезапно усомнился в лояльности старой аристократии, о чем и сообщил во всеуслышание, уперев локти в залитую вином столешницу.

— Готов поспорить, — заявил он, — что, будь у этих роялистов своя армия и повстречайся мы с ней в бою, кое-кто из сидящих за этим столом оказался бы не на нашей стороне. У этих в крови почтение к лилиям.

Обильные возлияния, предшествовавшие этому заявлению, не могли послужить поручику оправданием. Все присутствующие, включая Фредерика, посмотрели в сторону де Бурмона, и ему ничего не оставалось, как принять оскорбление на свой счет. Губы Мишеля сложились в знакомую волчью усмешку, однако холодный и тяжелый, словно глыба льда, взгляд ясно говорил о том, что он не находит в словах Фукена ничего смешного.

— Поручик Фукен, — прозвучал в настороженной тишине, воцарившейся за столом, ровный голос де Бурмона. — Вы, кажется, хотели оскорбить благородное сословие, к которому я имею честь принадлежать... Я вас правильно понял?

Фукен, черноглазый уроженец Лотарингии,

удивительно похожий на Мюрата, беспокойно озирался по сторонам. Он понимал, что сморозил глупость, и чувствовал, что теперь все смотрят на него. Отступить было поздно.

— Каждый волен принимать на свой счет, что ему заблагорассудится, — ответил он наконец, заносчиво выпятив подбородок.

Офицеры переводили взгляды с одного на другого, ожидая неизбежной развязки. Противники исполняли обязательный в таких случаях ритуал, который полагалось непременно довести до конца. Оставалось только наблюдать, стараясь не пропустить ни слова. Каждый прикидывал про себя, в каких выражениях станет рассказывать товарищам о недавнем происшествии.

Фредерик, прежде не видевший ничего подобного, наблюдал за происходящим со смесью тревоги и любопытства. Де Бурмон нарочито медлительно поставил стакан на стол. Ротмистр, самый старший в компании, пробормотал:

— Господа, будем же благоразумны, — тщетно пытаюсь охладить пыл соперников, но никто даже не посмотрел в его сторону. Ротмистр пожал плечами; его реплика тоже была частью ритуала.

Де Бурмон вытащил из-за обшлага рукава платок, тщательно вытер губы и неторопливо встал из-за стола.

— Такие разговоры лучше вести с саблей в руках, — сказал он с неизменной ледяной улыбкой. — И хотя вы старше меня по званию, смею надеяться, что из уважения к мундирам, которые носим мы оба, вы согласитесь дать мне сатисфакцию.

Фукен так и впился глазами в своего противника, но продолжал сидеть. Не дождавшись ответа, де Бурмон положил ладони на стол.

— Я отдаю себе отчет, — продолжал он все так же невозмутимо, — что правила не позволяют офицерам

принимать вызов от младших по званию... Меньше всего мне хотелось бы их нарушить. Если вам угодно, давайте подождем, пока я не стану поручиком. Беда в том, поручик Фукен, что нас в любой момент могут бросить в самое пекло. Меня приводит в отчаяние мысль о том, что кто-то может убить вас раньше, чем я.

Последние слова не оставляли офицеру и человеку чести никакой иной возможности, кроме согласия драться.

Фукен поднялся на ноги.

— Когда вам будет угодно, — произнес он твердо.

— Прямо сейчас, если позволите.

Потрясенный Фредерик выдохнул распиравший легкие воздух и встал из-за стола вслед за остальными. Де Бурмон обратился к нему с непривычной серьезностью:

— Подпоручик Глюнтц, удостоите ли вы меня чести быть одним из моих секундантов?

Фредерик с трудом выдавил утвердительный ответ, чувствуя, что жарко, мучительно краснеет. Вторым секундантом де Бурмон пригласил поручика из Второго гусарского эскадрона. Фукен выбрал пожилого ротмистра и поручика из своего полка. Все четверо — точнее, трое, не считая онемевшего Фредерика, — отошли в сторону, чтобы обсудить место и условия поединка, а соперники, оставшиеся за столом в окружении товарищей, хранили молчание и старались не смотреть друг на друга.

В качестве оружия выбрали сабли, и старый ротмистр, секундант Фукена, отправился на поиски подходящего места, надежно скрытого от любопытных глаз, где никто не помешал бы дуэлянтам выяснить отношения. Выбор пал на заброшенный сад на окраине города, и участники дуэли отправились туда, освещая себе путь позаимствованными в таверне масляными фонарями, серьезные и мрачные, как того требовал момент.

Ночь выдалась жаркой, на небо высыпали звезды, а

луна горела, как ножевая рана. Приготовления к поединку закончились быстро. Соперники сбросили доломаны, вошли в круг, образованный светом фонарей, и через несколько мгновений скрестили клинки.

Фукен был силен. Он дрался отчаянно, вновь и вновь наскакивал на противника, норовя поразить его в голову или грудь. Де Бурмон старался не рисковать, сосредоточившись на обороне, его стиль сделал бы честь самому искусному учителю фехтования. Рубашки обоих уже успели пропитаться потом, когда Фукен пошатнулся и отступил с тихим проклятьем, глядя, как на правом рукаве проступает кровавое пятно. Де Бурмон опустил саблю.

— Вы ранены, — сказал он учтиво, без тени торжества или злорадства. — Как вы?

Фукен побелел от ярости:

— Я? Превосходно! Продолжим!

Де Бурмон с досадой тряхнул головой, отразил яростный выпад соперника, и один за другим нанес три стремительных, как молния, удара. Третьим он поразил Фукена в левый бок, нанеся своему противнику не смертельную, но все же довольно глубокую рану. Поручик побледнел, уронил саблю и упал на колени, устремив на де Бурмона мутный взгляд.

— Полагаю, этого достаточно, — сказал тот, перекладывая оружие в левую руку. — Я, по крайней мере, полностью удовлетворен.

Фукен пытался подняться, зажимая рану ладонью.

— Согласен, — произнес он едва слышно.

Де Бурмон убрал саблю в ножны и поклонился с непринужденным изяществом.

— Для меня драться с вами — большая честь. Разумеется, если вы захотите продолжить, когда поправитесь, я к вашим услугам.

Раненый покачал головой.

— Не стоит, — ответил он с достоинством. — Это был

честный поединок.

Конфликт был исчерпан. Егерский поручик оправился от раны спустя четыре дня и всякий раз, когда разговор заходил о недавней дуэли, спешил уверить собеседников, что для него было огромной честью драться с истинным офицером и дворянином.

Вскоре этот случай обсуждал весь кордовский гарнизон, и каждый считал своим долгом прибавить к рассказу новые живописные детали. Когда молва о дуэли дошла до командира Четвертого гусарского полковника Летака, тот вызвал к себе де Бурмона и обратился к нему с гневной речью, по окончании которой молодой человек получил двадцать дней ареста. Позже, обсуждая происшествие со своим адъютантом майором Гюло, Летак громогласно хохотал:

— Черт побери, Гюло, представляю, как вытянулась физиономия Дюпюи, этого, с позволения сказать, егерского полковника, когда он узнал, что гусар проделал в лучшем из его головорезов целых две, эхем, дыры... славный был удар, говорят, хм, прекрасный удар... и опять же, теперь нас будут больше уважать, гусар есть гусар, эхем... нет, клянусь Вельзевулом, я все понимаю... субординация и все такое прочее, но честь превыше всего... А щенок де Бурмон... из хорошей семьи, между прочим... оказывается, записной дуэлист, и хладнокровен притом, выдержал мою, хм, головомойку и бровью не повел, порода есть порода, и все такое прочее... в общем, я отправил его под арест на двадцать дней, вот уж он, должно быть, хохотал про себя... любой новобранец знает, что мы выступаем самое позднее через неделю... Понимаете, нужно было соблюсти приличия... пустая формальность, и все такое... Только вы уж никому об этом, Гюло.

За такую откровенность майор Гюло платил своему командиру безграничной преданностью, служил ему не за страх, а за совесть и не раз был сполна вознагражден

за верную службу.

Что касается назначенного де Бурмону двадцатидневного ареста, то его пришлось отменить в силу военной необходимости. Приказ Летака поступил в понедельник; а наутро в четверг эскадрон уже покидал Кордову.

С тех пор миновало две недели. За это время в эскадроне произошло немало важных событий, и о дуэли начали забывать.

Фредерик Глюнтц отложил саблю и посмотрел на своего друга. Вопрос не сразу сорвался с его губ.

— Скажи, Мишель... Каково это?

— Ты о чем?

Фредерик смущенно улыбнулся. Спрашивать о таких вещах было неловко.

— Скажи, каково это — поднять оружие против кого-нибудь... Врага, я имею в виду. Когда рубишься на саблях, когда наносишь решающий удар.

На губах де Бурмона промелькнула волчья ухмылка.

— Ничего особенного, — просто ответил он. — Кажется, будто мир вокруг тебя перестал существовать... И сердце, и разум служат тебе лишь для того, чтобы ты мог правильно ударить... Дерешься, повинуюсь инстинкту.

— А как же противник?

Де Бурмон презрительно пожал плечами:

— Противник — всего лишь острое, которое ищет твою грудь, а тебе надо оказаться искуснее, быстрее и умнее, чтобы отразить его.

— Ты ведь был в Мадриде в мае, как раз во время восстания.

— Да. Но разве это был противник? — В голосе де Бурмона звучало открытое пренебрежение. — Порубить тамошний сброд не составило труда, а главарей мы расстреляли.

— А еще ты дрался с Фуkenом.

Де Бурмон ответил неопределенным жестом.

— Дуэль есть дуэль, — сказал он небрежно, словно речь шла о давно известной истине, порядком навязшей в зубах и не требующей долгих рассуждений. — Дуэль — это поединок двух благородных людей, регламентированный нерушимыми правилами и призванный защитить честь обеих сторон.

— Но в ту ночь в Кордове...

— В ту ночь в Кордове Фукен не был моим врагом.

Фредерик недоверчиво усмехнулся:

— Неужели? А кем же он был? Вы обменялись по меньшей мере дюжиной сабельных ударов.

— Разумеется. Мы, друг мой, для того и собрались той ночью в саду. Чтобы обменяться сабельными ударами.

— И все равно Фукен не был твоим врагом?

Де Бурмон покачал головой и затыкнулся трубкой.

— Нет, — произнес он, помолчав. — Он был противником. А враг — это совсем другое.

— Например?

— Например, испанец. Вот испанцы наши враги.

Фредерик был несказанно удивлен:

— Как же так, Мишель? Ты сказал «испанцы». То есть — весь народ. Ты это имел в виду?

Мишель де Бурмон глубоко задумался. Он долго размышлял, прежде чем ответить.

— Ты ведь помнишь, что случилось в Мадриде, тогда, в мае, — веско сказал он наконец. — Знаешь, во всех этих фанатиках и уличных горлопанах было что-то поистине зловещее. Кто не был там, едва ли поймет... Разве ты не слышал про беднягу Жуньяка — его повесили на дереве и выпотрошили? Или про отравленные колодцы, про наших товарищей, которым перерезали горло во сне, про зверства, которые творят партизаны? Запомни как следует мои слова: в этом краю каждая собака, каждая птица и каждый камень — наши враги.

Фредерик не моргая смотрел на пламя свечи, стараясь убедить себя в том, что загорелые, оборванные люди, молча глядевшие вслед войскам от порогов своих беленых, пронизанных жестоким андалусским солнцем домов, и вправду его враги. Попадались все больше женщины, старики и дети. Мужчины, способные держать оружие, давно ушли в горы и теперь скрывались на поросших оливами склонах. Стоя над трупом Жуньяка, командир эскадрона майор Берре произнес жуткие, но справедливые слова:

— Они словно звери. И мы будем ставить на них капканы. Мы украсим испанцем каждое дерево на этой треклятой земле. Клянусь дьяволом.

Фредерику еще ни разу не приходилось встречать испанских партизан, именовавших себя «геррильерос». Впрочем, однажды юноше едва не представился случай узнать их поближе. В тот день восемь тысяч французских солдат под началом генерала Дарнана, получивших приказ прочесать территорию и установить связь между Хаэном и Кордовой, наткнулись на большой отряд крестьян-повстанцев.

Совсем не так подпоручик Фредерик Глюнтц представлял себе войну; но это, вне всякого сомнения, и была настоящая война. Сражение больше напоминало бойню, но другого выхода у французов не было. Солдаты императора повсюду оставляли за собой повешенных партизан, немых, слепых и неподвижных свидетелей с выпученными мертвыми глазами и вывалившимися языками, голые черные тела, покрытые мириадами мух. Когда полк входил в крошечную деревеньку под названием Сесина, у Летака убили лучшего коня. Всего один выстрел из мушкета — и великолепная кобыла рухнула наземь. Стрелявшего нашли, и взбешенный Летака — «Это невыносимо, господа, такая славная кобыла, не правда ли? Беспримерная, эхем, трусость!..» — потребовал мщения:

— Вздернем-ка одного из этих дикарей, которые вечно ничего не видят и ничего не знают, лучше всего священника... надо примерно их наказать, эхем, пора искоренить эту чуму, задушить мятеж в зародыше...

Привели священника, низенького, коренастого человечка лет пятидесяти, небритого, с тонзурой, давно превратившейся в обыкновенную плешь, в коротковатой сутане, сплошь покрытой пятнами, которые лютеранин Фредерик почему-то принял за причастное вино. Ему не дали произнести ни слова; приказ Летака восприняли как приговор, не подлежащий обжалованию. Соорудили подобие виселицы, перекинув веревку через перекладину балкона городской ратуши. Священник покорно стоял между двумя гусарами, которым едва доставал до плеч, и, сжав зубы, с тоской смотрел на петлю, назначенную орудием смерти. Селение будто вымерло; на улицах не было ни души, но за стенами домов, за плотно закрытыми ставнями прятались безмолвные наблюдатели. Когда на шею священнику накинули петлю, всего за несколько мгновений до того, как двое дюжих гусар потянули за другой конец веревки, он разомкнул губы и едва слышно, но вполне внятно произнес: «Дети Сатаны!» Потом старик плюнул в сторону сидевшего верхом Летака и без всякого сопротивления позволил палачам завершить свое дело. Едва солдаты покинули деревню — Фредерик командовал в тот день арьергардом, — на площади появились одетые в черное старухи и принялись молиться, преклонив колени перед телом казненного.

Спустя четыре дня патруль обнаружил на обочине дороги труп вестового. Это был подпоручик из Второго гусарского эскадрона, худой, меланхоличный юноша, вместе с которым Фредерик проделал путь из Бургоса в Аранхуэс, когда получил назначение в полк. Бедолагу Жуньяка повесили на дереве за ноги, так, что его голова почти касалась земли. Несчастному вспороли живот, и

выпущенные наружу внутренности свисали чудовищным кровавым комом, вокруг которого роились мухи. Ближайшая деревня под названием Посокабрера была совершенно пуста; ее жители ушли неизвестно куда, унеся с собой все пожитки и припасы до последнего пшеничного зернышка. Летак приказал сровнять селение с землей, и полк продолжал свой поход.

Такова была испанская война, и Фредерик отлично усвоил ее главные правила: «Никогда не выезжать одному, ни в коем случае не терять из виду товарищей, не заезжать без надобности в лес или деревню, не принимать у местных жителей ни еду, ни питье, прежде чем они сами их не попробуют, никогда не колебаться, если нужно разрубить на куски одного из этих сукиных детей». Все, разумеется, верили, что это ненадолго. Показательные казни вот-вот сделают свое дело. Достаточно повесить или расстрелять побольше диких каналий, и тогда в Испании наступит долгожданный покой, а войско Императора сможет отправиться в новые, более славные походы. Слухи о том, что англичане готовят высадку на полуострове, наполняли сердце Фредерика Глюнтца надеждой на встречу с достойным противником, сражения, которые войдут в историю, и возможность стяжать славу в настоящей войне, где с врагом встречаются лицом к лицу. Так или иначе, против генерала Дарнана на этот раз выступила хорошо организованная регулярная армия. А потому спустя несколько часов подпоручику Фредерику Глюнтцу из Страсбурга предстояло принять крещение огнем и кровью.

Де Бурмон тщательно выколачивал трубку, морща лоб от старания. Откуда-то с севера донесся далекий, но отчетливый раскат грома.

— Надеюсь, завтра дождя не будет, — произнес Фредерик, ощутив укол тревоги. В дождливые дни ноги

лошадей застревали в грязи, и кавалерия теряла скорость. На мгновение юноша вообразил чудовищную картину: неподвижные ряды всадников, застывшие в вязкой глине.

Его друг покачал головой:

— Вряд ли. Я слышал, в эту пору дожди в Испании — большая редкость. С Божьей помощью будет тебе завтра кавалерийская атака. — На этот раз он улыбнулся широко и сердечно. — То есть я хотел сказать, нам будет. Нам двоим.

От слов «нам двоим» у Фредерика потеплело на сердце.

Что может быть прекраснее дружбы на войне, в походной палатке, при свечах, когда до сражения остаются считанные часы! Если на войне вообще может быть что-то хорошее — это боевое братство.

— Ты, верно, станешь надо мной смеяться, — произнес Фредерик вполголоса, чувствуя, что может говорить откровенно, — но мне всегда казалось, что первая в моей жизни атака будет чудесным солнечным утром, чтобы конская сбруя сверкала в ярких лучах, а наши доломаны были в пыли от бешеной скачки.

— «В этот миг твои друзья — конь, клинок и Бог», — продекламировал де Бурмон, опустив веки.

— Кто это сказал?

— Понятия не имею. Точнее, не помню. Я прочел эти слова много лет назад — в книге, которая хранилась в библиотеке моего отца.

— Потому ты стал гусаром? — спросил Фредерик.

Де Бурмон задумался.

— Возможно, — заключил он наконец. — Если честно, я и сам не знаю, отчего пошел в кавалерию. Но в Мадриде я понял, что лучший мой друг — сабля.

— Возможно, завтра ты изменишь мнение и назовешь лучшим другом своего коня Ростана. Или Господа.

— Возможно. Но если уж придется выбирать, я